

В наше время даже маленький цветок может обзавестись собственным пространством-доменом.

Нин Вэйфэн считал, что Земля — место весьма причудливое: вырастить достойного человека здесь не могут, зато способны породить цветок, достигший уровня гроссмейстера.

— Я здесь уже десятки тысяч лет, неудивительно, что я развил немного ментальной силы, — цветок совершенно не смущался тем, что бесцеремонно копался в чужих воспоминаниях, и продолжал искушать: — А вот ты — другое дело. Когда-то твои меридианы были повреждены, а кровь выпита, но ты сумел достичь высокого уровня мастерства. Это доказывает, что у тебя есть и талант, и упорство. Ты поглотил столько духовной жидкости, что твоё тело изменилось даже сильнее, чем в прошлой жизни. А я могу помочь тебе скрываться от слежки и защитить тебя. Ты больше не будешь таким жалким, как раньше.

Это предложение зацепило Нин Вэйфэна.

Учитывая, что в прошлой жизни стоило ему проглотить косточку абрикоса, как его тут же обнаружили и чуть не пустили на «мясо монаха Тан», то в этой жизни, после нескольких дней купания в духовной жидкости, его плоть станет лишь лакомее.

Чтобы его не съели, помощь гроссмейстера духовных искусств была как нельзя кстати.

Впрочем, впускать кого-то в свой домен — дело опасное. Ведь домен — это ядро ментального поля, как сердце для тела. К тому же у этого цветка была сомнительная репутация паразита, так что он был той ещё «штучкой».

— Я правда не причиню тебе вреда! Если не веришь, давай подпишем контракт души! — Цветок понимал, что не стоит презирать юношу за его бедность — пусть Нин Вэйфэн сейчас и слаб, но его будущее безгранично.

— Хорошо, подписываем! — Нин Вэйфэн не стал долго раздумывать и согласился.

Цветок тоже предлагал это искренне: в конце концов, он хотел обосноваться в сознании другого существа, и вполне естественно, что хозяин не доверял ему. Вскоре они заключили договор души: не вредить друг другу, не вмешиваться в дела друг друга, помогать и сосуществовать на равных.

По сути, это была клятва.

Некоторые считают клятвы пустяком — это лишь потому, что их ментальная сила слишком слаба, чтобы быть замеченной сознанием Вселенной. Но когда мастер духовных искусств достигает высокого уровня, он начинает чувствовать некую силу правил, которую мастера называют сознанием Вселенной, а в цивилизациях культиваторов — Небесным Путем. Чем

выше уровень мастера, тем легче Небесный Путь считывает его клятвы, и тем суровее наказание за нарушение.

Никто не знает, что такое сознание Вселенной. Это чудо великого космоса, сила равновесия. Иначе, если бы могущественные цивилизации и сознания могли творить что угодно, разумная жизнь в космосе давно бы исчезла.

Цветок быстро уменьшился вместе с горшком. Нин Вэйфэн перестал сопротивляться, расслабился и, используя остатки законов своего домена, впустил цветок в сознание своего мозга.

Домен — это независимое пространство, он не занимает места в физическом мозгу, поэтому Нин Вэйфэн не почувствовал ни малейшего дискомфорта.

Цветок не удержался и начал оправдываться:

— На самом деле, это даже нельзя назвать паразитизмом. Паразиты высасывают из тебя питательные вещества, а я могу самостоятельно поглощать духовную энергию извне, чтобы поддерживать себя. Я не принесу тебе вреда.

— Хм, — спросил Нин Вэйфэн, — а что это за отростки, которые ты прицепил к моим нейронам?

— Я просто прикрепил несколько корешков, чтобы было удобнее общаться.

— Не вешай мне лапшу на уши! Я и сам был гроссмейстером духовных искусств, неужели я не пойму, что ты творишь? Эй... ты снова пользуешься случаем и читаешь мои воспоминания! Ты вообще понимаешь, что такое личное пространство?

Пойманный с поличным цветок даже не покраснел. В голове Нин Вэйфэна он принял форму чистого энергетического существа, на лепестках-лице проступили два розовых пятнышка, и он включил режим бесстыдства:

— Как невинный и чистый цветок, пролежавший под землёй тысячи лет, я совсем не разбираюсь в делах вашего человеческого мира. Только что я случайно обидел тебя по незнанию. Если я снова по неосторожности разозлю тебя в будущем, это будет так печально. Поэтому, чтобы лучше общаться с тобой и влиться в человеческое общество, мне нужна твоя помощь... поделись со мной ещё воспоминаниями.

Что? Невинный и чистый?

Нин Вэйфэн ещё не встречал растения с таким «черным» нутром. Ни одного.

У него возникло дурное предчувствие, что его будущая жизнь станет «богаче и разнообразнее». Он не удержался от колкости:

— Слушай, ты — цветок. Зачем тебе вливаться в человеческое общество? Хочешь захватить мир?

Осыпaeмый безжалостными насмешками цветок вывел в сознании ряд многоточий.

Как бы трудно ни складывались отношения между новыми партнёрами, контракт был подписан, и цветок официально обосновался в мозгу Нин Вэйфэна. Выдворить его было невозможно, оставалось только смириться.

Пришлось принять его как сожителя и собеседника для жалоб.

Нин Вэйфэн оделся, нашел брошенный неподалеку рюкзак и собрался уходить.

Цветок подал голос:

— На земле осталось немного духовной жидкости, той белой. Я специально оставил её для тебя, скорее наполни бутылку.

Нин Вэйфэн посмотрел вниз и увидел, что в ямке, оставшейся после того, как он забрал бассейн, действительно осталась белая жидкость. Он наполнил бутылку. У него были и другие емкости, но он не стал набирать больше, потому что увидел остатки корней там, где раньше рос цветок.

Вспомнив, что растения размножаются иначе, чем люди, он зачерпнул немного жидкости и полил корни:

— Он сможет вырасти снова?

То, что Нин Вэйфэн проявил сдержанность перед лицом соблазна и подумал о других, очень порадовало гроссмейстера-цветка. Он радостно отозвался:

— Конечно, сможет, просто времени потребуется больше.

Затем он сложил листики в подобие объятий и потерялся лепестком о Нин Вэйфэна:

— Я не ошибся в тебе, ты хороший человек.

Нин Вэйфэн, которого «потерли», лишь промолчал.

Он давно перестал делить людей на «хороших» и «плохих». Он просто следовал правилам, усвоенным за десятилетия скитаний по космосу, и выработал полезные привычки, которые помогали ему заводить нужные знакомства и повышать шансы на выживание.

Нин Вэйфэн, ко всему равнодушный, уже давно не обращал внимания на чужие оценки. Он

спросил:

— Как тебя зовут? Не могу же я вечно называть тебя «цветочек, цветочек».

— Меня зовут... хм? У меня вообще нет имени.

Поняв, что ничего выведать не удалось, Нин Вэйфэн сам дал «черному» цветку имя:

— Ты похож на траву чжи, которую я когда-то видел. Будешь Чжичжи.

Правда, звучало это почти как «мышь»... Нин Вэйфэну стало смешно.

Чжичжи не видел ничего плохого в мышах — маленькие мышки часто составляли ему компанию под землей, это было неплохо. Он начал искать в памяти Нин Вэйфэна воспоминания о траве чжи. Действительно, похожи, только без семицветного сияния. Обрадовавшись, что нашел сородича, он коснулся усиками нескольких нейронов, заставляя Нин Вэйфэна вспомнить фрагменты прошлой жизни, и спросил:

— Где находится та планета, полная разумных растений? Этот «Маленький принц» такой милый, похож на толстое яблоко.

Нин Вэйфэн, разыскивая выход, лениво ответил:

— Не знаю. Это была планета, на которую я случайно совершил экстренную посадку, когда корабль сломался из-за нестабильности кротовой норы. Позже, когда корабль починили, я улетел и уничтожил записи бортового журнала, чтобы никто не смог найти их по следам.

Чтобы сильные мастера духовных искусств не смогли просканировать его мозг, он даже боялся смотреть на карты маршрутов в своих записях. Без карт космос слишком огромен и пуст, Нин Вэйфэн и сам не мог найти дорогу, словно к Персиковому источнику — неведомо, где он находится.

Чжичжи тоже не смог найти маршрут и вздохнул:

— Ты всё сделал правильно. Они укоренились в земле и не могут двигаться, но при этом являются ценнейшим лекарственным сырьем. Если бы их обнаружили, всё было бы кончено. Ты молодец, я ценю это.

Чжичжи снова подумал, что этот человек, подписавший контракт души, — отличный парень.

Стоит помнить, что разумные растения с ментальной силой — это ценнейшие лекарства для практиков духовных искусств. Если выставить их на продажу, даже одна-две штуки принесут огромное состояние... А что говорить о целой планете таких растений? Каков соблазн! Если бы Нин Вэйфэн не мог справиться с самими растениями, он мог бы просто продать маршрут и стать богачом.

Но Нин Вэйфэн, прекрасно осознавая ценность, ни разу не поддался соблазну, даже когда жил

в нищете.

Нин Вэйфэн не стал приписывать себе заслуг и спокойно ответил:

— Хотя они растения, у них есть разум, и они имеют такие же права на жизнь, как люди. Меня самого когда-то держали в плену, как лекарственное растение, и я знаю, каково это. «Не делай другим того, чего не желаешь себе» — вот и всё, никакой особой святости здесь нет.

Чжичжи сам был разумным растением, поэтому ему, конечно, пришлась по душе позиция Нин Вэйфэна... Хотя этот человек выглядел «некрасиво» и не соответствовал его эстетике, но он не был глупым или жадным, не был высокомерным или жестоким, был упорным и добрым. Настоящий идеальный человек.

Чжичжи начал искренне симпатизировать ему.

Изображение цветка в голове Нин Вэйфэна выпустило большой лист и похлопало Нин Вэйфэна:

— Не бойся, теперь я буду защищать тебя, и никто больше не посмеет причинить тебе вред.

Нин Вэйфэн действительно почувствовал, как его похлопали по плечу, и лишь улыбнулся. Он не презирал маленький цветок... да и кто посмеет презирать гроссмейстера с собственным доменом?

Просто... он уже научился защищать себя сам и больше не нуждался в чужой защите.

Чжичжи надулся — он недоволен!

Он, такой могущественный, снизошел до роли телохранителя, а этот парень даже не ценит? Нин Вэйфэн ещё не знает, какое огромное преимущество получил!

Ведь он не просто гроссмейстер.

Впрочем, Чжичжи не собирался говорить об этом, чтобы тот не слишком задавался.

Нин Вэйфэн выбрался из пещеры на свет божий. Он ещё не успел открыть глаза, как Чжичжи высунулся из его уха и радостно воскликнул:

— Мир снаружи изменился!

Нин Вэйфэн открыл глаза, увидел семицветный цветок, торчащий из уха, и его лицо перекошилось:

— Нельзя ли появляться как-то иначе? Если нас увидят, нас обоих утащат на препарирование.

— Вокруг никого нет! — оправдывался Чжичжи. — Я просто вышел подышать свежим воздухом.

— Нет, — отрезал Нин Вэйфэн. — Впредь, если захочешь выйти, сначала спроси моего разрешения.

Чжичжи обиженно спрятался обратно, и его изображение в сознании тоже поникло.

Нин Вэйфэн коснулся уха...

Странное ощущение. Он вдруг вспомнил, как шутил с мамой, что если проглотить косточку персика, из уха вырастет дерево. Кто бы мог подумать, что шутка станет пророчеством, только выросло не персиковое дерево, а маленький цветок.

Нин Вэйфэн спустился с горы. Чжичжи помог ему, заставляя растения вдоль пути разрастаться с бешеной скоростью, и вскоре все следы были скрыты. Нин Вэйфэн не удивился и не стал расспрашивать. У каждого гроссмейстера есть свои тайные способности, и расспрашивать друг друга о них — табу.

Вернувшись в город Циу, Нин Вэйфэн узнал, что прошло пятнадцать дней!! Конец, мама, наверное, с ума сходит! Неизвестно, не привлек ли он лишнего внимания, это уже маленькая проблема. Нин Вэйфэну было не до разборок с Чжичжи, он поспешил домой и у ворот обнаружил Се Ханьчи.

Нин Вэйфэн ещё не успел предупредить родителей, поэтому, стараясь не попадаться на глаза, убедился, что поблизости никого нет, перелез через стену и через водосточную трубу пробрался в свою комнату на втором этаже.

— Я помог тебе скрыть энергию и исказил преломление света, никто тебя не заметит. Скажи, ты так ловко прокрался домой — не на свидание ли с любовником бегал? — Чжичжи был в возбуждении, обожая сеять хаос. — Прячешься от любовных долгов... этот Сяо Се? Ты бросил его?

Нин Вэйфэн: «...» Что за чертовщину этот тип вытянул из его памяти?

Нин Вэйфэн запротестовал:

— Ты можешь оставить мне хоть немного личного пространства? Даже если не хочешь оставлять, не мог бы ты не сплетничать об этом при людях?

Снова отвергнутый цветок вывел в сознании бесконечную полосу многоточий.

Нин Вэйфэн велел цветку вести себя тише и не пугать людей, прежде чем спуститься к родителям.

Отец и мать Нин были очень обеспокоены, но в полицию не заявляли. Спускаясь, Нин Вэйфэн услышал их встревоженные голоса и почувствовал укол совести. Он поспешил окликнуть:

— Пап, сестра Мо, я вернулся.

Мать Нин подумала, что ей послышалось:

— Старый Нин, ты слышал, наш малыш нас зовет?

Отец Нин как раз стоял лицом к лестнице и, увидев сына, с облегчением улыбнулся:

— Это сын вернулся.

Мать Нин обернулась, замерла на секунду, а потом закричала:

— Паршивец, ты всё-таки решил вернуться! — она бросилась к нему.

Мать подвергла сына физическим и моральным истязаниям... Увидев, что сын искренне раскаивается, она сменила гнев на милость и ущипнула его за мягкое место:

— Мелкий негодяй, рассказывай честно, где ты был всё это время?

Нин Вэйфэн не собирался говорить правду. Сейчас технологии развиты, методы допроса продвинуты, а родители — обычные люди без спецподготовки, им лучше ничего не знать. Поэтому он без зазрения совести начал водить их за нос:

— Гулял в горах несколько дней, развеяться хотел, заблудился, вот и задержался.

Мать Нин, ощупывая кожу сына, которая стала даже нежнее и белее, чем прежде, удивилась:

— Гулял в горах? Почему ты не загорел, а наоборот, стал белее?

— Случайно упал в пещеру, долго искал выход, вот и не загорел.

— Вот оно что. — Мать осмотрела сына: хотя он похудел и лицо бледновато, не похоже, чтобы он сильно страдал, поэтому она перестала допытываться. В конце концов, она знала сына — плохих дел он не делает.

Тему закрыли. Мать Нин вдруг вспомнила:

— Ой, чуть не забыла, надо же сказать Сяо Се. — Она снова сердито ущипнула сына: — Ты, паршивец, только познакомился с человеком и сразу пропал. Я боялась, что он подумает, будто ты им не интересуешься, и сказала, что ты заболел. Сяо Се хотел зайти, а я сказала, что ты болен и не хочешь видеть посторонних, вот он и не пришел. Три-пять дней — ладно, но прошло полмесяца! Сяо Се так волновался, даже работу в компании забросил, по восемь раз на дню приходил спрашивать. — Она включила браслет и продолжила отчитывать сына: — Я говорю, раз уж встретил такого хорошего, заботливого мужчину, цени это, поняла?

Связь установилась, на голографическом экране появилось лицо Се Ханьчи. Он очень вежливо поздоровался. Мать Нин улыбнулась и потянула сына к себе:

— Сяо Фэн поправился, Сяо Се, не волнуйся.

Се Ханьчи увидел Нин Вэйфэна, его глаза округлились и засияли:

— Сяо Фэн, ты выздоровел? — он внимательно осмотрел Нин Вэйфэна: — Выглядишь неплохо, только лицо бледное и похудел...

Нин Вэйфэн:

— ...Привет, спасибо за беспокойство.

— Не будь таким официальным, я всё это время хотел навестить тебя... — такой взрослый мужчина, а в голосе слышалась обида.

Одна ложь требует тысячи других, чтобы её скрыть. Нин Вэйфэну пришлось выкручиваться:

— Мне было нехорошо, я не хотел, чтобы кто-то видел меня в таком состоянии. — Он сделал вид, будто немного смущен, заставляя собеседника додумать, что он «не хотел показывать посторонним свою слабость».

Се Ханьчи тут же проявил понимание:

— Я понимаю! — он открыл рот, чтобы что-то сказать, но бросил взгляд на мать Нин и сменил тон на более вежливый: — Тебе нужно хорошенько отдохнуть, пей больше воды. Если захочешь чего-нибудь поесть или погулять — звони в любое время.

Нин Вэйфэн не успел ответить, как вмешалась мать:

— Ой, Сяо Фэн как раз проголодался, а у нас ремонт газовых труб. Сяо Се, отвези его пообедать.

Се Ханьчи улыбнулся:

— Хорошо, я живу на соседней улице, скоро буду, сейчас же заберу Сяо Фэна.

— Ах, Сяо Се, ты такой хороший мальчик. — Мать Нин совсем забыла, что сама заставляла всех младших называть её «сестра Мо», иначе не давала им «красных конвертов».

Вскоре в дверь позвонили — на самом деле он всё это время ждал у порога.

Нин Вэйфэн, которого родная мать без колебаний «продала», лишь вздохнул.

Чжичжи, долго молчавший, спросил в сознании:

— Ты ведь до сих пор не забыл Му Ина, почему тогда встречаешься с Сяо Се? — он не понимал человеческих чувств.

Му Ин!

При упоминании имени этого бога войны, от которого дрожали миллионы, реакция Нин Вэйфэна всегда была... неконтролируемым внутренним «возбуждением».

Чжичжи прикрыл лицо:

— Я просто произнес его имя, а у тебя такая реакция? Как же ты его забудешь?

— Я не хочу это обсуждать, уважай личное пространство! — огрызнулся Нин Вэйфэн: существо, которое не видело себе подобных десять тысяч лет, беспокоится о реакции человека?

Чжичжи, почувствовав мысли Нин Вэйфэна, разозлился и выдал полосу многоточий! Затем он решил отомстить:

— Пусть я не понимаю вашей человеческой любви, но я в твоей голове и знаю, что такое дофамин! Как только ты вспоминаешь бога войны из своего сердца, меня просто заливают дофамином любви!

Нин Вэйфэн: ...

Чжичжи нанес контрольный удар:

— Му Ин слишком далек и слишком безжалостен, ради победы он приказал тебе взорваться. Забудь его, будь реалистом, попробуй построить отношения с Сяо Се. По крайней мере, вы равны, и жизнь будет в безопасности.

Нин Вэйфэн: ...Почему эта фраза кажется такой знакомой?

Благодаря матери Нин, Се Ханьчи легко удалось пригласить Нин Вэйфэна на свидание. Он решил, что тот просто оправился после болезни, и предложил:

— Пойдем поедим лечебной каши? Ресторан недалеко.

— Хорошо! — Нин Вэйфэну было всё равно.

Се Ханьчи улыбнулся и очень естественно взял Нин Вэйфэна за руку, слегка сжав:

— Тебе нужно поправиться, ты слишком худой!

Нин Вэйфэн попытался вырвать руку, но не смог. Он посмотрел на Се Ханьчи. Тот смотрел нежно, но действовал решительно, сжимая руку ещё крепче. Нин Вэйфэн подумал, вздохнул про себя и перестал сопротивляться.

Чжичжи покачал головой:

— Хоть немного дофамина выдели, жадина! — затем он начал громко напевать какую-то рекламную песенку.

— Дай мне чашку дофамина, чтобы я не грустил ни дня...

— Что есть любовь в этом мире? Она заставляет человека утонуть в дофамине!

— Последняя капля жидкости на Земле — не призрачный дофамин, а слезы человеческого раскаяния...

Нин Вэйфэн: ...

Ресторан лечебных каш, о котором говорил Се Ханьчи, был очень известным в городке, отбоя от клиентов не было. У семьи Се были там доли, поэтому они получили отдельный кабинет без предварительной записи. Но в этом заведении нельзя было заказывать что попало, даже сыну владельца. Там принимал старый врач китайской медицины: он определял по пульсу, какую именно целебную кашу подать гостю, чтобы не навредить.

Се Ханьчи, проявив галантность, позволил Нин Вэйфэну пройти осмотр первым.

— Изобразить пульс выздоравливающего? — Чжичжи воспрял духом, наконец-то нашлось применение его талантам.

— Не надо! — Нин Вэйфэн протянул руку врачу, игнорируя «увядающий» цветок в голове.

Старый врач после осмотра сказал:

— Телосложение неплохое, пульс крепкий и ровный, только лицо бледновато. Поешьте каши из красных фиников и плодов лонгана для восполнения крови и энергии. — И сделал заказ.

Бледность Нин Вэйфэна была не от нехватки энергии, а от последствий перенапряжения ментальной силы при сопротивлении вторжению цветка.

Цветок в голове быстро натянул листом невидимую ширму, делая вид, что его тут нет.

Се Ханьчи обрадовался, услышав, что Нин Вэйфэн здоров. Но когда врач осмотрел его самого, он перестал радоваться.

Старый врач сказал:

— У молодого господина пульс сильный, но есть признаки жара. — Он многозначительно посмотрел на Нин Вэйфэна, стоящего рядом, и медленно добавил: — Молодой человек, в некоторых делах не стоит торопиться. Поумерьте пыл, поешьте каши из лилий и семян лотоса. — Он сделал заказ, особо отметив: «Семена лотоса не очищать от сердцевины».

Се Ханьчи: ...Редко когда он чувствовал себя так неловко, оставалось лишь сохранять спокойствие, чтобы скрыть покрасневшие уши.

Нин Вэйфэн: ...Молча отвернулся.

<http://bllate.org/book/19844/1953748>